

ГРОМАДНЫЕ ПЛАНЫ ЕСАУЛА

Станица Екатериноникольская-на-Амуре, большую часть года отрезанная от цивилизации и царских чиновников океаном скованных морозом или покрытых мхом незамерзающих топей и таёжных болот, была никчёмным городишком. Покрашенная в красный цвет, куполовидная церковь, телеграф, три сотни казаков. В свободное время казаки возделывали землю, боролись с тайгой и рекой, разливающейся широко после выхода из скальных ворот между малым Хинганом и цепью Бурейских гор. В качестве топлива они использовали, как и в китайских фанзах¹ на другом берегу Амура, высушенный навоз. Путешествие из Иркутска через Сретенск продолжалось 24 дня. Средством передвижения служила кибитка. В Сретенске путники пересаживались на судно «Амурского пароходства». После двенадцатидневного рейса судно добиралось до пристани в Хабаровске. В станице, расположенной в дне дороги до Хабаровска, обычно не останавливались, но — медленно передвигаясь вдоль берега — сбрасывали только пакет с почтой.

В зависимости от поры года, засыпанный по самую крышу в снег или тонущий в грязи, домик из не ошкуренных брёвен занимал сотник II Полка Забайкальских казаков.

Ему можно было дать около тридцати лет. Высокий, сухощавый, несколько жилистый блондин, с бледно-голубыми, пылающими удивительным блеском, безобидными глазами. Он вёл холостой образ жизни. Печку не топил. Офицерского жалованья ему хватало едва ли на несколько дней. Остальное давала ему охота и рыболовство, весной и осенью садился он на умного кабардинца², брал ординарца и отправлялся на охоту. Когда возвращался, приглашал господ офицеров

¹ Фанза — лачуга, жилище городской и деревенской бедноты в Китае.

² Кабардинец — порода коней, происходящих с Кавказа.

и казаков. Коптили окорока кабанов, лосей и оленей. Целые туши мяса пеклись на рожне. Пировали без конца. Кости для псов бросали под ноги, расставленных в саду на крестовинах, столов. Шампанское, а как его не хватало, то обычная сивуха и китайская рисовая водка, лились как из ведра. Пили крепко. До потери памяти, чувств, человечности. Игнали в карты. Пропивая и проигрывая жалованье, собранное за все годы службы, семейные состояния, если кто их имел, самих себя. Излюбленным развлечением приамурских «зелёных гарнизонов» была игра в «кукушку». Кукушка! Такая небольшая птица с серо-пепельными перьями. Даже достаточно популярная. По числу «кукований» гадали девушкам годы, отделяющие их от замужества, количество деток.

На дальневосточных рубежах империи с помощью «кукушки» испытывали судьбу... развлекательной игрой господ офицеры пинками вынуждали хозяина какой-то фанзы впустить весёлую компанию в овин, где они занимали место на соломе. Запирая ворота, оставляли внутри в центре на глиняном полу «кукушку», находящуюся — подобно, как и все — уже порядочно навеселе. «Кукушка» выпивала для куража стакан спирта, и игра трогалась вовсю. Неудачник куковал, а остальные палили в него из наганов. Попастъ, по правде говоря, не было легко: ночью в овине темно, хоть глаза выколи, а вдобавок «кукушка» имела право после кукования отскочить в сторону. Ну и алкоголь делал своё. Попадали, однако, часто. В «кукушку» или в остальных участников игры. Трупы хоронили на следующий день с воинскими почестями. В рапортах для Петербурга фигурировали, как павшие на поле брани. Из-за угла убитые коварными китайцами. Тоска, однообразие, хандра.

Дни, месяцы, годы миновали безвозвратно. Серые, понурые. Потомок восемнадцати поколений фон Унгерн-Штернберг в царской армии не сделал карьеры. Он, в жилах которого бежала кровь воинов Атиллы и крестоносцев, был есаулом, всего лишь есаулом, пассивно прозябающим в соломенной берлоге в холодной, сырой избе. Из очоченевшей руки выпадает Ницше. Шепчет: сверхчеловек является сущностью земли. Только мы, немцы, можем спасти эту империю. Россияне не способны на это. Сволочь, мразь людская. Разве

что казаки. Те знают цену борьбы, добычи, крови. Остальные — тьфу! Сгниют здесь окончательно. Издеваются над ним, что ходит ежедневно в заштопанном мундире. Он, барон! Не имеет помощи ниоткуда. Разве вдруг что-то произойдет и лопнет это проклятое спокойствие и бездействие. А война должна принести перемену, авансы, ордена. Тогда он покажет, кем есть в действительности. Будет командовать, покажет этому славянскому быдлу своё достоинство.

В 1911 году западные районы Монголии ожидали очередной инспекции маньчжурского *dzian-dziunia*³. Она могла оказаться последней. Раз в три года *dzian-dziuiń*, имеющий резиденцию в Улясутае, инспектировал пограничные заставы, расположенные на линии соприкосновения Монголии с Урянхаем. Ожидали самого худшего, так как на этот раз требования сатрапа были значительно большими, чем обычно. Поблизости от каждой заставы должно было установлено тридцать белых юрт. Несколько юрт, устланных превосходными коврами, должно было украшено красным сукном. Для сановников должны быть приготовлены сотни коней, а для транспортировки багажа — много десятков яков и верблюдов. Являлись по вызову *ulaczeni*⁴. На каждую заставу была наложена подать — 1500 *łan*⁵ серебра, предназначенная на покрытие издержек содержания *dzian-dziunia* и его свиты. Немало. После совершения простых арифметических действий окажется, что эта подать достигала около 55 килограммов чистого металла. Араты⁶, ламы⁷ и даже нойоны⁸, бормоча под носом проклятья, направлялись к южным склонам гор *Tannu Oła*. Там поблизости от берегов озера *Ubsa nur*, проходила граница. Не без споров между хошунами⁹ касающихся количества предназначенного на подать скота, количества серебра, числа улаченых, переданных в распоряжение

³ *dziań-dziuiń* (монг.) — князь.

⁴ *ulaczen* (монг.) — возница.

⁵ *łan* (кит.) — единица веса, равная 36,6 гр. серебра; равноценная 1,43 рубля (царского).

⁶ Арат (монг.) — пастух.

⁷ Лама (тибетск., *b-lama* — высший) — монах, священник.

⁸ *nojon* — князь.

⁹ *choszun* (монг.) — удельное княжество, единица административного деления.

dziań-dziunia, хлопотали, чтобы собрать всё вовремя. Главная трудность состояла в отыскании серебра. Торговый сезон уже миновал. Скот, сыр, шерсть проданы, а деньги разошлись. Оставалось одно. Просить об одалживании серебра китайские фирмы Da-Szen-chu или Juan Szen-de, должниками которых были почти все хошуны Кобдосского округа. Обе фирмы обладали капиталом порядка тридцати миллионов рублей. Их хозяева не отказали. Ссуды не получили только наиболее задолжавшие. За предоставленный ценный металл араты должны были заплатить в будущем году сыром, скотом и баранами, которые только должны были еще выращены.

Часть верблюдов и лошадей, почти месяц ожидающих приезда сатрапа, пала. Убыль пополнили, одолжив животных у ближайших жителей. Наконец dziań-dziuiń прибыл.

Бамбуковые палки погуляли по строптивым монгольским шеям. Не щадили ни простого арата, ни нойона. Если исполняющие власть сумели спрятать отличающие их шапки с разноцветными шариками, получали только нормальную порцию телесных наказаний, а не усиленную. Цвет шарика означал какой-то чин. Самый низкий — белый, несколько более высокий — голубой, а ещё более высокий — красный. Бамбуковые палки приходили в движение под любым предлогом. Достаточно было, что конь споткнулся под пьяным от опиума китайским наместником, а тот колотил всех, которые имели несчастье попасть ему под руку. Били за то, что вьюк упал с верблюда, что юрты недостаточно белые или плохо оснащены, одним словом, били, и это хорошенько, на каждом шагу. Скверно идущий рысак или «иноходец» (степняк), не слишком низкий поклон в момент принятия коня и... порка кнутом. Зная об этом, монголы заранее готовились, надевая толстые шубы и натягивая шапки. Как только повелитель приближался, приседали в углу, голову втягивали между плеч, закрывая её руками, спрятанными в широких рукавах, и начинали, как только можно громче голосить, прося о помиловании. Порой попросту «давали драпака», вскочив на резвого коня. Спротивляться, протестовать никто не пытался. Кроме обычной порки, отмериваемой улаченам и чиновникам, конфискации лучших коней, члены свиты брали и мелкие взятки. По-

жертвования серебра на содержание двора *dziań-dziunia* следовало совершать на месте. Представители хошунов, которые не справлялись с обязательными поставками серебра, как правило, арестовывались и препровождались как заложники в тюрьму в Улясутае. Там, исполненные ужаса, отдавали в залог целые хошуны китайской фирме *Dasztafi*, с которой *dziań-dziun* был связан общими интересами. Фирма брала на себя платежи, а долг принуждала оплатить себе в натуре, насчитывая ростовщический процент.

Каждая инспекция *dziań-dziunia* давала китайско-маньчжурскому наместнику в Монголии до 60 тысяч ланов серебра — пересчитывая вес грамма по курсу перед Первой мировой войной — составляло это около четверти миллиона рублей. Ещё в 1919 году И. М. Майский, начальник экспедиции «Центросоюза», изучающий экономические отношения в Монголии, писал, что её жители задолжали купцам и ростовщикам китайским более стоимости их актуального имущества.

* * *

Расположенную в Кобдосском округе у слияния двух горных рек *Tjurgun* и *Songino*, текущих с северных склонов горной цепи *Chan-Chuchej Ula*, факторию богатого купца Мокина летом наполнял гомон и работа. Пора стрижки овец и закупки шерсти способствовала оживлению дружеских контактов и обмену новостями. А их было немало. Рядом с исполняемыми под звуки *towszura*¹⁰ вечерами эпическими стихами о битвах *Tochtocho-tajdzi*¹¹ и сказании об очередных причудах живого Бога *Bogdo-gegena*¹², появились и другие, передаваемые шёпотом из уст в уста. С okazji Надома — великого праздника, устраиваемого ежегодно в честь Богдо-гегена, в Ургу прибыли князя. В святом лесу Горы Богов, где их не могли наблюдать глаза китайских шпииков, отбыли тайные совещания. Вскоре после этих событий исчезли князь *Chanda Dordzi* и лама *Czing-wang*. Уже в абсолютном

¹⁰ *towszur* (монг.) — струнный инструмент.

¹¹ *tajdzi* (монг.) — царевич.

¹² *Bogdo-gegen* — титул главы ламаистской церкви в Монголии.

секрете добавили, что удалились они к белому хану — царю российскому, чтобы просить о помощи.

В рапорте Российского консульства в Урге, направленном в Петербург 15 августа 1911 года, находится суждение, что «делегация (монголов. — *В. М.*) вносит просьбу о принятии Chachly под протекторат России». Посланникам дал аудиенцию (приём) П. Столыпин. Он принял письмо от Bogdo-gegena и ханов — владык четырёх аймаков¹³, на какие делится Монголия. Отвечал коротко. «Не следует предпринимать никаких активных шагов и действий против легальной власти, сохранять спокойствие, а взамен российское правительство постарается повлиять на Китай в направлении ограничения интенсивного переселения китайцев и высылки войск в граничащую с нами Монголию». Понятно, что такой ответ не вызвал восторга делегатов, ожидали они чего-то большего. «Постараюсь повлиять на Китай». А здесь маньчжурское ярмо тяготило всё более несносно. Российским колонистам и купцам давался сигнал конкуренции китайцам, поэтому они также, несмотря на негативную позицию Петербурга, протаскивали тихо оружие в Монголию и поддерживали в душе ханов, склонных к восстанию.

А. В. Бурдукова, молодого поверенного семьи Мокиных, в течение уже многих лет исколесившего с партиями скота и шерсти караванный шлях через горы Танну Ола до Бийска и Барнаула, мало это интересовало. Политикой займётся он позже. Самоучку охватило великое увлечение этнографией. Рано познакомившись с разными диалектами монгольских языков, любимый и ценимый коренными жителями, сумел он вскоре завоевать их доверие. Решил он собирать и записывать старые притчи, сказки, легенды. Пожалуй, не только, поскольку удивительным стечением обстоятельств в архивах обнаружили и депешу Бурдукова, содержащую информацию о вооружении китайского гарнизона в Кобдо, количестве окруживших его монголов или настроениях населения. С годами под влиянием поляка, профессора Владислава Котвича, занялся он исключительно научной работой. В изданных четверть века спустя после

¹³ Аймак — административная единица.

его смерти воспоминаниях описал он удивительную встречу, какая случилась осенью 1913 года во время его поездки по торговым делам из Улясутая в Кобдо.

Заглянем в воспоминания Бурдукова. При прощании с российским консулом, от которого он получил пакет с бумагами, узнаёт он, что будет иметь «интересного спутника в путешествии».

«В самом деле, вскоре приготовили соответствующие документы для нас обоих, а также специальное удостоверение для незнакомого, примерно такого содержания:

Такой-то и такой полк Амурского казачьего войска подтверждает, что перешедший добровольно в резерв поручик Роман Теодорович Унгерн-Штернберг направляется на Запад в поисках смелых поступков.

Человек этот только что прискакал из Урги и тотчас же хотел ехать дальше, худой, обшарпанный, неряшливый, обросший желтоватой щетиной на лице, с выцветшими, застывшими глазами сумасброда. На глаз ему можно было дать около тридцати лет, хотя и запустил бородку. Мундир на нём был исключительно грязным, штаны протёрты, голенища сапог в дырах, на его боку висела сабля, у пояса револьвер, а карабин вёз улачен. Вьюки путешественника были пустые, только в болтающемся брезентовом мешке на дне торчал какой-то свёрток. Российский офицер, едущий с берегов Амура через целую Монголию и не имеющий при себе ни постели, ни запасной одежды, ни также провианта, производил необычайное впечатление. Прежде чем ещё мы успели покинуть город, начал он грубо поторапливать улачена, чтобы тот ехал быстрее. Улачен пустил коней, и резво понеслись мы по улясутайской долине до монастыря Ebugun chure и расположенной поодаль почтовой станции Aldar. 15 станиц, находящихся между Улясутаем и Кобдо, миновали мы в неполные три дня. Поручик Унгерн оказался неутомимым наездником. Хотя и не разговорчивый, всё же разговорился в конце концов. Утверждал, что ненавидит спокойную жизнь, потому что течёт в его жилах кровь прибалтийских рыцарей и поэтому жаждет совершать героические поступки. На востоке царило глубокое спокойствие, и господа офицеры

чахли от скуки... И вот прочитал он в газетах, что в Кобдо война, и поэтому он направился туда, как охотник, добровольно попросившись в отставку.

В дороге, в течение всего времени, он расспрашивал о Dambi-Džamcan¹⁴, о характере войны с китайцами, взвешивая как бы здесь как можно быстрее оказаться в Gurbo-Cenchen, чтобы принять участие в восстании монголов.

Привлекало его военное ремесло, а не борьба во имя каких-то там идеалов. Самое главное — это стрелять и рубить, а с кем и кого — это уже не существенно. Готовясь к службе в монгольских отрядах, он добросовестно записывал слова и просил, чтобы я учил его говорить.

Несмотря на то, что мы всё время ехали почти галопом, без передышки, на каждой почтовой станции он ругался с улаченами при замене коня. Было стыдно, что у нас имеются такие невоспитанные офицеры. В мыслях я ругал консула за наделение меня попутчиком такого рода. Сказать что-нибудь этому сумасброду было попросту небезопасно. Особенно остался в моей памяти этап дороги из Džargalanta до озера Chara-usu nur. Уступая уговорам Унгерна, выехали мы ночью. Шальной барон в потёмках пытался ехать вскачь. В долине, уже недалеко от озера, внезапно потеряли мы тракт, который вёл через болота поблизости от прибрежных камышей. Улачен остановился и не собирался ни шагу делать дальше, несмотря на удары, которые сыпались на него. Спрятав голову в плечи, лежал он без движения, тихо всхлипывая. Вzbешённый барон слез с коня и двинулся впереди нас, приказав ехать за ним. С удивительным проворством отыскивая в кустарниках удобную дорогу, вёл он нас около часа, попадая часто выше колен в трясину, и напоследок вывел из болота. Однако тракта мы не нашли. Унгерн долго и жадно втягивал воздух, стараясь по запаху дыма определить направление, где находятся людские поселения. В конце концов он сказал, что почтовая станция близко. Мы поехали за ним. Вскоре услышали вдали лай собак. Необычная настойчивость, жестокость

¹⁴ Dambi-Džamcan — лама, астраханский калмык; появился в Монголии около 1890 г. и начал борьбу за независимость. Поддерживали его некоторые князья и высшие ламы.

и почти звериный инстинкт моего сотоварища вызывали необыкновенное впечатление.

Утром добрались мы до Кобдо. Унгерн заехал к своему приятелю, казацкому офицеру Резухину, и на следующий день я встретил его в чистеньком обмундировании. Видимо позаимствовал его от коллеги, чтобы отправиться к консулу и начальнику гарнизона.

Как консул, так и начальник российского гарнизона в Кобдо отнеслись к замыслу добровольного набора скептически и не выразили согласия служить у монголов; барон вынужден был вернуться в Россию»¹⁵. Кобдо было в то время третьим после Улясутая и Урги городским центром Внешней Монголии.

Центр города был представлен постройками нескольких купеческих факторий, расположенных вдоль одной главной улицы. Далее простиралось множество юрт и лагун, слепленных из глины, навоза и хвороста. Прямоугольная глиняная стена, с башнями на углах, окружала крепость. Неплохо выдержала она испытание временем и осталась до сих пор. В месте, где некогда находилась резиденция *ambana*¹⁶ и были расквартированы *lanze*¹⁷ китайской пехоты, располагались грядки с овощами. Ещё шестьдесят лет тому назад в Кобдо не было кладбища. Умерших выносили в степь, в узкое ущелье за городом, где функции могильщиков исполняли ватаги псов-людоедов. Ламаистский обычай запрещал копанье земли. Потому что земля считалась святой. В Монголии, за исключением северных районов, почти совершенно нет деревьев. Топливом служил высушенный навоз домашних животных, при этом сжигать покойников или вешать их, зашитых в шкуры, на старых елях — как это делали гиляки на Охотском море, — также было нельзя.

7 августа 1912 года объединённые в федерацию отряды байтов, ойратов, баргийцев и халхасов под командованием *Dambi-Džamcana* и *Maksordžaba* положили конец маньчжурским порядкам в Кобдо. Богдо-геген удостоил первого

¹⁵ Бурдуков А. В. В старой и новой Монголии. М., 1969. С. 100–102.

¹⁶ *amban* — наместник, маньчжурский губернатор.

¹⁷ *lanza* (кит.) — полк.

пожизненным титулом Bogodzin Nojon chutuchtu¹⁸, а второго рангом bejse¹⁹ и именем Chatan Bator (скала Богатырь), под которым знаем его как министра войны и более позднего героя революции в Монголии. Dambi-Džamcana, который в подвластном ему хошуне вёл себя как удельный князь и пытался обрести независимость от опеки «Матушки России», вскоре арестовали казаки, специально посланные из Кобдо, где уже всевластно господствовал российский консул. Поводом ареста Džamcana было... невыполнение приказа о мобилизации верблюдов для перевозки фуража. Было объявлено, что он является российским подданным, сбежавшим из Астраханской тюрьмы, калмыком Амур Санаевым. Его, выдающего себя за потомка Amursany (последнего князя Džungarii, воюющего с южными оккупантами за ханский трон в 1755 году), под сильным конвоем доставили до Бийска, а затем в Томск. На всякий случай арестовали и Chatan Batora, но после короткого следствия выпустили его на свободу. Известный уже нам Бурдуков выдвинул Dambi-Džamcanu, как наилучшее свидетельство, написав в письме Котвичу, посланному из Changelcyku 29 мая 1914 года: «Всегда считал его за русофила, а не за русофоба. Благодаря тому, что в течение двух лет он пропагандировал в Кобдоском округе ботинки и головные платки, в результате как одно, так и другое стали входить в моду. Он эффективно преодолел предубеждение к европейской одежде, какое господствовало здесь, и это тоже является немалой заслугой в отношении России. Вещь ясная, что наши дипломаты не должны его унижать и подчинить своим предписаниям так, как это совершили с другими, так же как нельзя было допустить до обмана монголов нашими купцами»²⁰.

Вопреки тому, что полагал Бурдуков, сумасбродный барон в Россию не поехал. Пребывал в Монголии вплоть до вспышки Первой мировой войны. Не в это ли время стал он

¹⁸ chutuchtu (от *монг.* chutagt) — досл. переполненный святостью, святой; один из высших титулов в иерархии ламаистской церкви. В Монголии до 1924 г. действовало около 140–150 chutucht — «живых воплощений ламаистских божеств».

¹⁹ bejse (*монг.*) — князь 4 степени.

²⁰ Бурдуков А. В. Указ. соч. С. 283.

буддистом или снискал высшую степень ламаистского посвящения? Примем, что так и было, поверив более поздним биографам. Несомненно, в это время познакомился он со страной и господствующими в ней отношениями, тем более что это было уже его второе более длительное пребывание в этом крае. В 1910 году в течение некоторого времени он служил в казачьем отряде охраны Российского консульства в Урге.

На тему героических поступков, какие он хотел совершить, история умалчивает. Амбиции, однако, он должен был иметь немалые, поскольку в одном из писем к родным утверждал, что «отношения в Центральной Азии являются такими, что при определённой оборотливости можно стать даже императором Китая». Высоко метил. Что же. Разве он не был из рода фон Унгерн-Штернберг?

* * *

Начало XX века принесло Китаю далеко идущие перемены. Усиливающаяся деятельность разных националистических группировок и партий, а также всё большее сопротивление, возникающее со стороны населения беспощадной эксплуатации Jan-gui-tzu (Заморских Дьяволов), ставшей причиной упадка империи. Страна погрузилась в пропасть бесправия и анархии. Последний император Suan-Tung отрёкся от престола в 1911 году. Генералы, создав собственные политические партии, выбирают себе отдельные провинции. Suan-Tung не предполагает ещё, что судьба сыграет с ним необыкновенную шутку. Вот хищный японский империализм, пытающийся захватить как можно большие территории Азии и завоевать гегемонию на этом континенте, создаёт 8 ноября 1932 года на территории китайских провинций Liaoning, Cilin u Hejlungoiang, с виду независимое государство — Mandžukuo, со столицей в Hsinkingu. Государство это охватит, между прочим, территории внутренней Монголии, и следовательно районы между Хинганом, Великой Стеной, рекой Амур и горами Changpaj-san. Номинальным владыкой, даже императором, станет объявленный под именем Pu-I, а именно Suan-Tung. Будет им вплоть до 1945 года, занимаясь главным образом филателией.

Умер он спустя неполных десять лет, как научный сотрудник университета в Пекине.

Когда во главе первого в истории Китая республиканского правительства стал Juan-Szi-kai, в четырёх аймаках внешней Монголии — Cecen-chana, Tuszetu-chana, Sajn-Nojon-chana и Džasaktu-chana — было объявлено воззвание к народу, призывающее выбросить из страны оккупантов и провозгласить ханом Bogdo-gegena. Маньчжурский амбань должен был покинуть Ургу. После долгих переговоров и сложной политической игры, проводимой посланниками Богдо-гегена почти во всех столицах самых могучих держав, только в мае 1915 года в Кяхте было оговорено трёхстороннее соглашение, касающееся формального, с точки зрения международного права, признания автономии нового теократического государства. Не охватывало оно, однако, Монголии Внутренней и Барги, которые остались в Китае. Вскоре оказалось, что подписанного в Кяхте соглашения не намеревался соблюдать ни один из могущественных соседей Монголии. Получив перевес над противниками по овладению всего Северного Китая, союзничающий с прояпонской милитаристской группой Anfu — маршал Czang-Tso-Lin использовал момент краха революции в Сибири.

В 1918 году вторгся в Монголию организованный им экспедиционный корпус, а генерал Czen-I, наместник Урги, сформулировал документ под титулом «74 пункта, касающиеся исправления будущей ситуации в Монголии», содержащий ни менее, ни более только покорную просьбу к китайскому правительству о принятии отречения от признанной недавно автономии. Памятуя о судьбе восьмидесяти представителей аристократии монгольской, заморённых голодом несколькими годами раньше в одном из парков Пекина, Богдо-геген со всем правительством поставил подпись на документе. Объяснял он этот эпизод, как временную уступку в игре. Свидетельством реализма политического окружения Живого Бога является факт, что раньше это самое правительство отказало в поддержке, инспирированного Японией, панмонгольского движения, провозглашающего лозунги Великой Монголии, простирающейся от Маньчжурии до Тибета и от Урала до Великой стены. Среди

феодалов — советников Богдо-гегена были потомки Чингисхана, представляющие белую кость — *saγan jasun*, которые утверждали, что это Китай должен принадлежать Монголии. *Czan-Tso-Lin* имел, однако, другое мнение, это было предпрешено.

Было образовано «Министерство Управления Делами Северо-Западной части страны и Всеобщего Разрешения Всяческих Вопросов Улучшения Будущего Внешней Монголии». Было строго запрещено использование слов «монгольское государство», чествование годовщины получения автономии и т. д.

Богдо-гегена заперли в Зелёном Дворце у подножия Богдо Улл (Святой горы, Горы Богов). Там ожидал он дальнейшего развития событий. Поразительная перемена произошла в этом азиатском *Borgii*. В молодости вызывал он возмущение пьяными оргиями и вереницей нагих проституток, тянущих его экипаж по улицам Урги. Не препятствовало это чрезмерно священническим коллегам, резиденствующим в тибетских монастырях *Potała i Naramban*. Когда, однако, он проявил заинтересованность политическими вопросами, может быть по инициативе Пекина, был послан *turdzu*-лама со специальной миссией. Перехватив беднягу тотчас же по прибытии из Лхасы, вынудили проглотить, на всякий случай, все привезённые им жидкие и порошкообразные микстуры, и как следовало ожидать, лама в быстром темпе обрёл нирвану — состояние вечного блаженства.

* * *

Есаул Роман Теодорович императором Китая не стал, хотя и, может быть, находился уже на верном пути, чтобы претворить в жизнь свои намерения. Началась Великая война. За Габсбургов, Романовых, Гогенцоллернов бились по обеим сторонам восточного фронта поляки, украинцы, немцы.

Большая часть гарнизона австро-венгерской, самой мощной в Европе (после Антверпена и Вердена), крепости Пшемысль состояла из солдат славянского происхождения. А в армии царя-батюшки георгиевские кресты за мужество получают Ренненкампф, Врангель, Унгерн.

Этот последний появился на действительной службе уже 19 июля 1914 года. Его откомандировали в Донской казацкий полк, который действовал в Пруссии и около Аугустова. Сменив после перенесённых ран воинскую часть, служит он в Туркестанской Дикой Дивизии. Необыкновенно отважный, собирает он наивысшие воинские награды боевые. С того времени видим его всегда с Офицерским Крестом св. Георгия на груди. На склонах Gorganow a Czarnohory воюет он под командованием Врангеля, того самого, который так зловеще зарекомендовал себя в памяти граждан Советского Союза. Там познакомился он с полубурят, полурусским Григорием Семёновым, с которым связала его дружба и общая зависимость — наркотики. Карпатский театр военных действий покинул Унгерн при достаточно необычных обстоятельствах. По пути с румынского фронта в Петербург, по поводу встречи рыцарей св. Георгия на железнодорожной станции в Яссах, дал он пощёчину по пьяному какому-то офицеру высокого звания, так как тот не позаботился достаточно быстро об оформлении документов для продолжения дальнейшего путешествия. Это не Монголия. Ему грозил полевой суд и пуля в лоб. Из затруднительного положения вытянул его командир полка, впрочем, пожалуй, даже близкий знакомый или родственник, улаживая ему одновременно направление на кавказский фронт. Во время революции мартовской он пребывал в отпуске в Ревеле (сегодня Таллин). Когда к власти пришли большевики, «в поисках геройских поступков» возвращается он в Забайкалье, чтобы из колонистов, казаков и бурят создать отряды для борьбы с «коммунистической заразой». После поражения контрреволюции одна из издаваемых там газет опубликовала персональную анкету Унгерна, обнаруженную в военном архиве после освобождения Нерчинска. Происходит она с 1917 года, и, следовательно, в период, когда наш герой не успел ещё прославиться изощрённой жестокостью и исключительной, даже в той кровавой всё же революции, ненавистью к роду людскому, благодаря которой его имя, окружённое мрачной легендой, вошло в историю. Едва ли не в 11 пункте анкета содержит необычно характерное мнение:

«В военной области является превосходным офицером, бесстрашным и отважным, справляется в любой ситуации прекрасно. В моральной области его необходимо упрекнуть в постоянной тяге к выпивке, после чего не трезвый способен к поступкам не достойным офицерского мундира. По причине склонности к алкоголю был переведён в резерв, согласно с подтверждённой мною резолюцией старших офицеров полка».

Подписано: командир полка барон Врангель

Для атамана забайкальских казаков, Григория Семёнова, то, что приятель склонен к поступкам не достойным офицерского мундира, не имело никакого значения. После бегства от революционных властей в Маньчжурию, требовал он людей. Провозгласив Эмиграционное Временное Правительство, он собрал Бурятский Национальный Отряд для объединения всех бурят из Монголии, Маньчжурии и Забайкалья. Во главе отряда стали нойоны и ламы, отстаивающие старые порядки и учреждения *chubilganow*²¹. Попытки преобразования их соплеменников в казацкое сословие, что бы позволило на общий призыв в армию, дали осечку. Только позже, воспользовавшись наплывом десятков тысяч беглецов из армии Колчака, Семёнов сформировал три корпуса вооружённых и экипированных через проверенного союзника — Японию.

Молодая советская власть переживала самый тяжёлый период. В Сибири продолжалась гражданская война. Инспирированный через иностранную интервенцию мятеж чешских легионов, образованных из бывших пленных австрийской армии, которые захватили железнодорожную линию от Казани до Владивостока, сделал возможным контрреволюционный переворот. Разбушевался белый террор. Вооружённая Антантой, прекрасно экипированная, насчитывающая свыше четверти миллиона штыков и сабель, армия, терпела, однако, поражение за поражением. Объявленный Всероссийским Правителем адмирал Колчак, в самые трудные моменты признающий в будущей возрождённой России даже некоторую автономию для Польши,

²¹ *chubilgan* (монг. *chuwilach*) — досл. превращаться, изменяться, перерождать (напр. в очередном воплощении).

вскоре в панике должен был покинуть Омск, назначенный временной столицей возрождённой монархии. Уходя на восток с запасом золота царской России, насчитывающим около 20 тыс. пудов²², и взятым из сейфов казанского банка, он имел надежду, что у Байкала остановит победный марш Красной Армии. Не успел он реализовать планов, скоординированных с представителями военных миссий Японии, Франции и США. По приговору революционного суда в Иркутске 7 февраля 1920 года расстреляли адмирала на льду Ангары. Тело уплыло в Карское Море. В последнем приказе передавал он «власть» на востоке руководимому Семёновым Правительству Российских Восточных Окраин с резиденцией в Чите.

Барон Унгерн являлся правой рукой атамана Семёнова. В начале 1918 года пребывает он ещё в северной Маньчжурии, где занял, при помощи монгольских воинов из племени *Characzynow*, *Naĵar* — главный город провинции *Barga*, расположенный в верховьях реки *Argui*, на восточном ответвлении Транссибирской железной дороги.

Полковник, потому что недавний есаул, продвигался по службе уже быстро, правит как удельный князь. Выдаёт многочисленные приговоры смерти эмигрантам из охваченной пожаром партизанской войны Сибири. Осуждался каждый, на которого падала хотя бы тень подозрения о проявлении расположения к революции. Жалея амуницию, он попросту принуждал сжигать несчастные жертвы живьём в топках локомотива. Одновременно ведёт достаточно эластичную политику завоевания публичного мнения. По ходатайству одного из своих артиллерийских офицеров, Антония Александровича, он жертвует дом на потребности... польской католической парафии в Хайларе. Сомнительно, чтобы Унгерн, в детстве протестант, а позже бог знает кто, совершил это из симпатии к католицизму или к славянскому племени на Висле. Балтийские немцы считались в царской России за наихудших преследователей поляков. Скорее попросту искал окружения, на которое по тем или иным причинам можно было опереться. Поляки ему, по-видимому, были временами полезны.

²² 1 пуд = 40 фунтов = 16,38 кг. Информация о золоте из: История Сибири, Т. IT, Л., 1968. С. 156.

Под конец 1918 года барон перебрался в Даурию²³, где принял участие в создании бурятской офицерской школы. Выйдут из неё будущие эмиссары панмонгольской идеи и члены Союза российских фашистов, действующего в Маньчжурии до конца 1945 года. Сохранились два письма «кровавого барона», написанные в Даурии и адресованные подполковнику князю Р. Р. Toumbair-Malinowskiemu, позднее генерала бригады и в течение некоторого времени министра войны в Монголии. Обанкротившийся князь выстрелил себе в лоб в Ницце в 1926 году, но прежде переслал письмо одному из фон Унгерн-Штернбергов, живущему в Wüppertal Barmen. Вот первое письмо от 17 ноября 1918 года:

Многоуважаемый Павел Петрович!

Прошу уладить ещё одно дело в Харбине. Узнайте, пожалуйста, у Константина Попова о подробностях программы конференции всех народов в Филадельфии, а также введите в курс дела, какие существуют возможности посылания на неё делегатов. Нужно туда послать делегатов из Тибета, Бурятии и т. д., одним словом, из Азии. Думаю, что, прежде чем будет организована мирная конференция, она уже не будет иметь смысла, в то время как конференция всех народов состоится также в случае войны. Присутствие наших послов на конференции может оказаться необычайно плодотворным. Послы из Бурятии в течение месяца, а послы из Тибета в течение двух месяцев будут готовы к отъезду. Об этом деле я совсем забыл, поэтому, прошу, послать письмо *expressem*, иначе окажусь в больших хлопотах. Очевидно так, чтобы никто не узнал, что мы к этому приложили руку! Затем попрошу вас попытаться заинтересовать свою жену лозунгом: **женщины всех стран, стремитесь к равноправию!** (выделено Унгерном. — *Примеч. В. М.*). Должна она написать письмо глупой Pankhurst (известной суфражистке. — *Примеч. В. М.*); так как на Западе женщины добились равных прав с мужчинами, а здесь на Востоке нужно прийти к сёстрам с помощью. Эти последние созрели уже до этого, но не имеют предводительниц. Предводители Новой России, как например Семёнов, мечтают уже о равных правах своих любовниц в присутствии «евнухов».

²³ Dauria — край на Амуре от устья реки Шитки до устья Зеи, название происходит от живущего там некогда маньчжурского племени дауров.

В Харбине нужно заложить небольшую общину индианок, армянок, японок, китайок, монголоков, россиянок, полков, американок. Почётной предводительницей должна быть Госпожа Chogwat, или жена посла в Пекине или Токио. Газета должна выходить раз в месяц на разных языках. Благодарю за Вашу работу, которую вы выполняете днём и ночью, боюсь, однако, что работа эта вскоре начнёт Вам надоедать. Скоро будет достаточно политических вопросов.

Преданный Вам, полковник, барон Унгерн.

Второе письмо было датировано 30 ноября того же года.

Многоуважаемый Павел Петрович!

Ваши отрывки с Поповым при участии Контеньева, касающиеся окраски очень выразительные. Теперь вы должны как-то попытаться невозможное сделать возможным и чеканить монеты из вольфрама. В Чите находится около 3000 пудов. Узнайте, пожалуйста, о цене, размерах. Может быть, смогли бы вы использовать для этого машины из Японии, которыми чеканят маленькие монеты, или заказать новые. Заплатите за них вольфрамом. Прессование: герб — двойной орёл на аверсе, герб и достоинство монеты на реверсе. Арифметично: 1 единица серебра и 1 единица золота, впрочем, как вы хотите. Замысел печатания бумажных денег, когда имеется на складе вольфрам, является бессмысленным. Достоинство монеты следует передать по-китайски, французски и русски. Вы должны связаться с инженерами Mujsakowskim и Никитиным (Никитин, вероятно, является владельцем отеля «Маньчжурия»). Гадалка предсказывает Вам суд в Монголии, поэтому не советую вам ехать дальше Верхнеудинска. Пусть господин действует при помощи малого «Чёрного». Прошу стянуть его с горы Chai. Так будет лучше. Постарайтесь убедить господина Томили-на, чтобы в высшем суде в Харбине давал показания в мою пользу. Между прочим, хочу поместить хлопца в колледж в Японии или Tiensinie. Сколько это стоит? Прошу прислать два жеребца чистокровных с моим венгром в Даурию для командира сотни и для есаула Танаева. Непременно также нужно приготовить к высылке возы и коней: Czanszuk, Czin, Dzja, Tuin а также обеспечить эскорт задатком. Будет называться, что кони были куплены японцами. Ещё чем-то должен вас обременить — мне понадобятся два хороших шофёра. Вам выслан воз № 24. Как у Вас дела? Соберитесь с духом, уже скоро наше дело победит! Прошу прислать мне

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru